

Мой дом выходит окнами на другой дом, такую же многоэтажку. И окна соседней многоэтажки смотрят на похожее здание. И только десятый от нашего дом, я считала, стоит у моря. Если бы все раскрыли настежь окна, убрали бы занавески, то из нашего окна было бы видно воду. Поэтому я всем говорю, что мы живём с видом на море.

И это даже ничего, что наше море холодное. Бывает, мы с мамой усядемся вечером на подоконнике, высматриваем в темноте парусники и слушаем, как шумят волны. Папа делает вид, будто ему тоже что-то заметно, но на самом деле он скорее услышит, как капает вода из крана на кухне, такой уж он.

Вот и сейчас мы вглядывались в шторм и даже не заметили, как папа вернулся с телефонной трубкой:

— Тебя.

Я нехотя взяла трубку, а папа развёл руками — мол, что я могу поделывать?

— Тин! — заверещало в телефоне. — Хватит пялиться в окно!

Так вот, меня зовут Тин, и мне четырнадцать. Тин — это от Алевтины. Назвали же родители! Но они оправдываются — говорят, в голову больше ничего не приходило. А я тогда подсказать ещё не могла. Удивительно, как это взрослые всегда умеют выкрутиться. Я считаю так: раз не можете придумать ребёнку имя — оставляйте безымянным. Пусть выберет сам, когда подрастёт.

А в трубку кричит Сашка. Это моя лучшая подруга. Она сумасбродка — не такая, как я. Мне кажется, я скромняга. Но мой папа говорит, что мы одного поля ягоды. Сашка живёт в соседнем доме, как раз напротив наших окон. Она прилично загораживает мне море, ставит психологические кордоны. И ещё ей в этом помогает её младший брат Фёдька. Если сама Сашка заслоняет море на две трети, то вместе с Фёдькой они перекрывают его на три четверти. Настоящая плотина.

— Хватит пялиться! — кричит Сашка. — Вы уже два часа на меня смóтрите! Я вам знаками

показываю, чтобы не смотрели, а вы смóтрите и смóтрите!

Мы с мамой переглянулись, и я ненароком глянула на Сашкино окно. Сашка размахивала руками.

— Даже мечтать не смей, что мы глазеем на тебя, — сказала я. — Мы любимся штормом. Видела, какие волны?

— Брось выдумывать! — разволновалась Сашка. — Ты сделала лабораторную по химии? Не забудь, мне её ещё списать надо! Бред какой!

— Жалей нервные клетки, — посоветовала я.

— Что их жалеть! Они бы меня пожалели!

Я вздохнула и села к кухонному столу. Сложила горкой раскатившиеся по столешнице апельсины, достала учебник по химии.

— Будешь работать за двоих? — спросил папа.

— Чего только не сделаешь ради лучшей подруги, — вздохнула я, а сама подумала, что лучше поработать за двоих, а то она съест меня с потрохами.

Когда дружишь, всегда приходится с чем-то мириться. Потому что оказывается — те, с кем дружишь, не такие, как надо. И совсем уж не такие, как ты. Сашка взрывная,

несуразная и иногда меня пугает. Но всё же мы дружим, и я делаю лабораторные. Такая вот взаимовыручка.

Через час я сфотографировала домашнее задание и отправила Сашке. Та тут же примчалась ко мне, махнула рукой моим родителям, схватила апельсин и заявила, что у меня непонятный почерк. Было двенадцать ночи. Папа тяжело вздохнул и скрылся в комнате.

— Вы плохо воспитываете свою дочь, она неразборчиво пишет, — заявила Сашка моей маме.

— Да, да, — покорно согласилась мама.

— Ещё она у вас учит уроки на кухне, — добавила Сашка.

— Да, — снова кивнула мама. — Ещё она у нас учит уроки.

Папа в соседней комнате погромче включил музыку, хоть было уже поздновато. Помому, он Сашку немного побаивается. Точно так, как раньше я побаивалась этого большого, красивого и шумного города.

Ещё три года назад мы жили в небольшом городке. Троллейбусные маршруты в нём можно было пересчитать по пальцам, трамваи я видела только на картинках. Люди

по улицам ходили хмурые, и самым большим счастьем для них было показать, насколько они круты. Нам с мамой это ужасно не нравилось, а папа только махал рукой и говорил, чтобы мы не обращали внимания. Но как не обращать внимания на людей, слишком громко говорящих по мобильнику не для того, чтобы договориться о чём-то, а чтобы все рядом слышали, о чём они разговаривают? Было жалко людей — что им интересны только сплетни и самая обычная жизнь, в которой главное для мальчиков — найти хорошую работу, для девочек — удачно выйти замуж.

Мне же хотелось, чтобы у меня был весь мир.

Я любила музыку, старалась даже в нашем городе высмотреть интересных людей, но их не находилось. До пятого класса я ходила в танцевальную студию, но там на меня орали. Даже не знаю почему. Наверное, потому что орали на всех.

В шестом классе я стала писать песни. Сейчас они мне кажутся наивными и детскими. Тогда я напевала их сама себе по ночам, глядя, как по ночным стенам проносятся тени. Теперь у меня получаются другие песни (правда, я пишу их без музыки, просто слова),

выкладываю на своей страничке, многие хвалят. Сашка завидует. Хотя сама здорово рисует — я так не умею.

Приезжая в свой старый городок (мы изредка ездим туда к бабушке), я переставала чувствовать себя человеком. Мне сразу же хотелось обратно — в большой город с шумными и широкими проспектами. С людьми, у которых такие разные лица. Мне вообще нравится смотреть на людей — в метро, на улицах, везде-езде...

Мы переехали сюда, когда папе предложили работу.

— Хотите в город с видом на море? — спросил тогда папа.

Он ещё спрашивал! С этих его слов мы стали жить, думая о предстоящей дороге. Паковали вещи, выбрасывали ненужное. Лишнего оказалось очень много — того, без чего можно обойтись, начиная новую жизнь. Мама сказала, что с новой жизнью всегда так. Ей виднее.

А город принял меня не сразу. Он нравился мне, как незнакомые люди, проходящие мимо. Такие же недоступные, хоть я шла с ними совсем рядом и они видели меня. Но — нам никогда не заговорить, никогда не узнать друг друга.

Так я любовалась всем, что было вокруг меня целый год. Ходила в хорошую и незлую школу, с кем-то в классе больше общалась, с кем-то меньше, была вполне весёлой, но всё-таки нездешней.

С городом меня сдружила Сашка. Ведь поначалу она не училась со мной в одной школе и мы даже не были знакомы. Да что там — за год я даже не узнала, кто у нас соседи по этажу. Что уж говорить о девчонке из соседнего дома!

В тот день, чуть больше года назад, когда дома, кроме меня, никого не было, я тоже смотрела в окно. Распахнула его настежь и села на подоконнике. Был очень красивый закат — алый, разливающийся по облакам. Краем глаза я заметила, как раскрылось окно напротив. Какая-то девчонка крикнула, как и сегодня:

— Хватит пялиться, ненормальная!

Я возмутилась и тоже крикнула:

— Я не пялюсь! Сама ты ненормальная!

Сашка (а это, конечно, была именно она) гневно вопила:

— Хорошо же ты не пялишься! Целый год уже пялишься! Я с ума так сойду! У меня уже руки дрожат!

И тут в окне показалась рыжая Федькина голова. Мальчишка крикнул:

— Ты пялишься, дурочка! Сашка в бинокль видела! — он подумал и добавил: — Дурочка с переулочка!

Сашка недовольно оттолкнула Федьку от окна и крикнула мне почти примирительно:

— Я сейчас приду.

И пришла. Она деловито осмотрела нашу квартиру, на всякий случай спросила:

— У тебя нет тайных фотографий наших окон?

Я пожала плечами:

— А что, нужны?

Сашка задумалась. И спросила невпопад:

— Встречаешься с кем-нибудь? Парень есть?

Я повторила по инерции:

— А что, надо?

— Вот глупая, — сказала Сашка. — Хочешь, найдём тебе кого-нибудь? Я могу одолжить тебе Аркашу.

Я понятия не имела, кто такой Аркаша и зачем его мне одалживать. Сашка объяснила:

— Он баскетболист. Не такой уж умный, зато он сзади отращивает хвостик — знаешь, локон такой? Чтобы его холить и лелеять. И у него вытянутое лицо.

— Лошадиное, что ли? — не удержалась я.

Сашка засмеялась:

— Скажешь тоже, лошадиное! — а потом задумчиво добавила: — Ну да, лошадиное... Ладно, раз тебе Аркаша не подходит, тогда...

По-моему, Сашка перебирала варианты. Я поинтересовалась:

— Меня так уж срочно надо пристроить?

Сашка посмотрела на меня как на ненормальную. Спросила:

— Тебе вообще кто-то нравится?

Я задумалась. Ну, было несколько мальчишек в классе, которых нельзя было назвать уродами. Остапов и, пожалуй, Маров Максим. Может быть, они мне и нравились. Я попыталась представить их идущими по берегу моего моря, улыбающимися мне, но ничего не получалось. Их лица размывались, как будто акварель в воде. А вместо мальчишек проступал образ кого-то незнакомого, высокого... Я всё равно не видела его лица, но ветер развеивал его волосы, и они были будто волны. Сашка ждала, и я нерешительно кивнула.

Сашка уточнила:

— Из твоего класса?

Я кивнула ещё раз, уже более уверенно.